

С. А. МАКСИМОВ (Ижевск)

БЕСЕРМЯНСКО-КОМИ ИЗОГЛОССЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО БЫЛЫХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ НАРОДАМИ

Abstract. Besermyan-Komi Isoglosses as Evidence for Past Contacts between Peoples

This research is devoted to the study of linguistic elements present in Besermyan and Komi, but absent from Udmurt or most of its dialects. The Besermyan language has not been object of areal research to the present day. The purpose of the study is to identify and describe Besermyan-Komi isoglosses. In the course of our research, we revealed that those isoglosses were formed as a result of late secondary contacts of the Besermyans with a Komi population, but they are not archaic elements of the Proto-Permian period. We believe that such contacts took place not only at the level of superficial social and linguistic interaction, but also through interethnic marital ties. The study of isoglosses allows us to suggest that not only the Turkic component (currently generally recognized), but also a Komi component took part in the ethnogenesis of the Besermyans.

Keywords: Permic languages, language contact, etymology, lexical, morphological, and phonological borrowing.

1. Введение

Настоящая работа посвящена исследованию языковых элементов, характерных для бесермянского¹ и коми языков, но отсутствующих в удмуртском языке или в большинстве его диалектов. Вопросами изучения территориального распространения отдельных явлений в удмуртском, коми и коми-пермяцком языках занимались преимущественно пермские диалектологи (см. Тепляшина 1970а; Жилина 1979; Баталова 1982; и др.). В большинстве их публикаций рассматриваются языковые параллели на лексическом уровне. Фонетические и морфологические схождения территориально смежных коми и удмуртских диалектов освещены в работе историка С. Белых «Следы общепермского

¹ Бесермяне — близкий к удмуртам малочисленный народ (немногим более 2000 человек), проживающий в северо-западных районах Удмуртской Республики и в г. Глазове.

Received 16 December 2024, accepted 7 April 2025, available online 10 June 2025.

© 2025 the Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

праязыкового континуума в удмуртском и коми языках» (Белых 1995 : 3—17). Основные положения указанной статьи нашли отражение и в последующих его публикациях, в числе которых монография «Проблема распада прапермской этноязыковой общности» (2009 : 77—95). Вопросы общих особенностей фонемной синтагматики согласных удмуртского и коми-пермяцкого языков, а также тенденций развития вокализма непервого слога в пермских языках рассматривались В. К. Кельмаковым (2000; 2001; 2004 : 261—269). В частности, ученый отмечает, что тенденция к распространению огубленных гласных в непервые слоги имеет в пермской языковой области ареальный характер: ею охвачены преимущественно удмуртский и коми-пермяцкий языки (Кельмаков 2001 : 72). Ареальными исследованиями в пермских языках активно занимается С. А. Максимов, посвятивший данной теме ряд статей (Максимов 1995а : 44—48; 1995б : 356—358; 2016 : 111—121; и др.), а также монографию, в которой рассматриваются северноудмуртско-коми лексические, фонетические и морфологические параллели (Максимов 2018).

Бесермянский язык до настоящего времени не являлся объектом ареальных исследований, в связи с чем актуальность выбранной темы является очевидной. Цель исследования — выявить и описать бесермянско-коми изоглоссы. Основной метод — описательный, применялся частный метод этимологического анализа; особый акцент был сделан на ареальном аспекте исследования. Эмпирической базой послужили лексические материалы монографий «Язык бесермян» (Тепл. 1970), «Лексика бесермян: наследие Т. И. Тепляшиной» (Макс. 2024), словарей, представляющих бесермянскую (СлБес. 2013; ТезБес. 2017) и удмуртскую (Munk.; Wichm.; УРС 1983) лексику. Написание языковых материалов в работе дано в том виде, в каком они представлены в источниках. Следует обратить внимание на частотный символ *ø*, которым передается бесермянский неогубленный гласный средне-заднего ряда средне-нижнего подъема *ä* (*ʔ*). В записях Т. И. Тепляшиной, как и у Ю. Вихманна, огубленный гласный верхнего подъема среднего (средне-переднего) ряда обозначен графемой *ш* вместо современного *й* (*j*). Написание слов, представляющих изоглоссы, выделены полужирным шрифтом и переданы в орфографии книги «Лексика бесермян: наследие Т. И. Тепляшиной», удмуртские диалектные соответствия изоглосс — в кириллической орфографии, литературные соответствия — по УРС 1983. После двойной косой черты приводятся удмуртские и бесермянские соответствия, не образующие изоглоссные явления.

Язык бесермян традиционно считался одним из наречий удмуртского языка, однако в 2022 году он получил статус отдельного языка Российской Федерации. Т. И. Тепляшина по лексическим и отчасти фонетическим принципам выделяла три группы говоров: кильмезский, лекминский и юндинский говоры.² Она отмечала, что различия между ними незначительны (Тепляшина 1970 : 56—57). Однако в соответствии данными ученого наблюдается большая вариативность в отношении

² Материалы кильмезского говора в нашем исследовании представлены деревнями Турчино и Филимоново Юкаменского р-на, лекминского — деревнями Гулѣшур, Тылыс, Шамардан, селом Ёжево Юкаменского р-на и деревней Ворца Ярского р-на, юндинского — селом (Большая) Юнда и деревней Гордино Базезинского р-на.

фонетических явлений, при этом «почти каждое фонетическое явление распространяется лишь на ограниченный круг слов», и в целом наблюдается неустойчивость и непоследовательность проявления диалектных черт (Тепляшина 1970 : 58).

Современный исследователь бесермян Н. М. Люкина, доцент Глазовского инженерно-педагогического университета, бесермянскую языковую область делит на ворцинский, лекминский и юндинский говоры. Она отмечает, что в д. Малая Итча Якшур-Бодьинского района УР бесермяне перешли на удмуртский язык, а молодое поколение — на русский (Люкина 2016 : 11—12). Ее исследования подтверждают сохранение высокой вариативности фонетических явлений как между разными населенными пунктами, так и внутри одного и того же населенного пункта (Люкина 2016 : 33—69).

2. Бесермянско-коми изоглоссы

2.1. Фонетические изоглоссы

2.1.1. Корреспонденция огубленного и неогубленного гласных верхнего подъема: бес. *u/i* (*y/ij*) // удм., бес. *ı/ä/i* (*ы/ь, ө/и*)

2.1.1.1. Бес., коми *куед*, бес. *кїед* // лит.,³ бес. *кьед*, бес. *көөд*, *киед* 'навоз': *kujed*, коми *куед* 'тж.' (Тепл. 1970 : 75); Итча *Valen kuro, ru, kijed vortto, usad'baas giro* 'На лошадях возят [теперь] солому, дрова, навоз, вспахивают собственные огороды' (Тепл. 1970 : 265); Гул. *kijed*, Турч. *kejed* 'навоз', Б. Юн. *kujed tron vilka* 'вилы для накладывания навоза' — ПМТ (Макс. 2024 : 335); Шам. *киед* 'навоз, компост' (ТезБес. 2017 : 110).

В соответствии с лексикографическими данными в первом слоге исследуемого слова в удмуртских диалектах употребляется неогубленный гласный: глаз., уф. *kijed*, уф. *kijet*, малм. *kijed* 'назем, навоз', (уф., малм. также) 'сор' [коми *кујед*] (Wichm. 109). В КЭСК для коми слова *куйөд* 'навоз' и удм. *куед* 'тж.' реконструируют общеп. **kujed* 'тж.' (КЭСК 144). Полагаем, что удмуртский вариант *куед* представляет собой бесермянскую лексему: в работе «Исторический вокализм пермских языков», на который дается ссылка, и сопоставляются следующие слова: коми *куйөд*, удм. *кьед*, бес. *кујед* (Лыткин 1964 : 207).

2.1.1.2. Бес. *кузь*, *кїзь*, коми *кудз* // лит. *кызь* 'моча': Горд., Тыл. *kuž*, Фил. *kuž* 'тж.' — ПМТ (Макс. 2024 : 363); Шам. *кузь* 'тж.' (СлБес. 2013 : 237); ср. удм. лит. *кызь*. Авторы КЭСК для коми слова *кудз* 'моча' и удм. *кызь* 'тж.' реконструируют общеп. **kūž* ~ **kuž* (КЭСК 144).

Исследуемые пермские слова (в т. ч. кя. **kūž*) возводят к прауральскому этимону **kuĩce* ~ **kuĩce* 'моча; мочиться' (UEW 210). В удмуртских диалектах огубленный гласный в данном слове не зафиксирован, ср.: глаз. *kīž*, малм., ел. *kīd'ž*, м.-урж., уф. *kīž* 'моча' [коми *kud'ž*] (Wichm. 118); сев.: сч. *киз'*, *кьз'*, *кыз'* 'моча; мочевогой' (Карп. 2013 : 242).

2.1.1.3. Бес., коми *уль*, бес. *ўль* // лит. *ыль* 'сырой, не варенный; недова- ренный, недопеченный': *ul'*, лит. *ыль*, коми *уль* 'сырой' (Тепл. 1970 : 75);

³ Литературная форма, как правило, является репрезентантом большинства удмуртских диалектов.

ul' 'сырой, недопеченный' (Тепл. 1970 : 128, 178, 181); производные: *ul'žektənə* 'мокнуть (о ране)' (Тепл. 1970 : 122); Б. Юн. *ul'nañ* 'тесто': *nij-naj kəšćəke tedə pižəš ul'nañ* 'сильно тянется тесто из белой муки'. — ПМТ (Макс. 2024 : 683); Шам. *уль* 'недопеченный, недоваренный; сырой' (СлБес. 2013 : 452); ср. удм. лит. *ыльžектыны, ыльнянь*.

Удм. *ыль* 'сырой, недопеченный, недоваренный, мокрый' сопоставляется с коми словом *уль* 'сырой, влажный, мокрый, непропеченный, оттепель'. — Общеп. *šl' 'сырой, мокрый, влажный'; соответствия имеются также в марийском и мансийском языках (КЭСК 296). В удмуртских диалектах в данном слове употребляется неогубленный гласный, ср.: глаз., уф. *ʔl'*, сар., малм., ел. *ʲl'* 'сырой, мокрый', 'неиспеченный, неваренный, непропеченный', коми *ul'* (Wichm. 69—70).

2.1.1.4. Бес., коми *юр* // лит. *йыр*, бес. *йөр* 'голова': Еж. *jŋr* 'тж.' (Wichm. 79); *jər* 'тж.' (Тепл. 1970 : 60, 115, 129, 177); Шам. *jər* 'тж.' (Шамардан. LingvoDoc); Врц. *jur* 'тж.' (Ворца. LingvoDoc); Шам. *йөр* 'тж.' (ТезБес. 2017 : 215); *jər* 'голова, голова, ум, рассудок, сознание, глава, руководитель, кочан, вилок' (Макс. 2024 : 297); ср. лит. *йыр*.

В соответствии с материалами диалектологических словарей (Munk. 270; Wichm. 79) во всех удмуртских диалектах в данном слове употребляется неогубленный гласный. В текущем столетии в одном из бесермянских населенных пунктов исследуемая лексема зафиксирована с огубленным гласным — *юр* (*jur*). Можно бы было речь вести об архаичной форме, так как ее соответствие в коми языке *юр* 'голова; главный' отсылает к общепермской праформе **jur*. Возможная допермская (финно-пермская) реконструкция **jüre* 'основа, корень, голова' или **juge* 'корень; комель' также предполагает огубленную гласную в первом слоге (КЭСК 335; UEW 629). Тем не менее для праудмуртского и прабесермянского состояния языка более вероятно употребление неогубленной гласной.

В числе характерных черт в области вокализма языка бесермян Т. И. Тепляшина отмечала употребление гласного средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема *ə* (*ə* — С. М.) на месте удмуртского гласного верхнего подъема *u*, например: *nənal* вм. *нунал* 'день', *səkəri* вм. *сукури* 'каравай', *kəd'əra* вм. *кудьыра* 'кудри, курчавый' (и т. д.) (Тепл. 1970 : 73). В закамских говорах удмуртского языка (буйско-таныпском, шагиртско-гондырском, канлинском) в таких случаях обычно выступает также неогубленный гласный — *i*, в некоторых говорах периферийно-южного диалекта (говоры арского типа) — фонема *ɨ*, в срединных говорах, в большинстве говоров северного и южного наречий, как и в литературном языке, употребляется гласный *u*, ср.:

бес. *kəno*, закам. *kjino* // пюж.: татш. *küno*, лит. *куно* 'гость';
бес. *pənə*, закам. *pjini* // пюж.: татш. *pünə*, лит. *пуны* 'собака';
бес. *dərə-*, закам. *djiri* // пюж.: татш. *dürə-*, лит. *дурыны* 'ковать'
(и др. примеры) (Кельмаков 1975 : 97—99; 2004 : 33—39; 2006 : 68—69).

По мнению В. К. Кельмакова, рассмотренный тип междиалектной корреспонденции возник по той причине, что гласный первого слога в приведенных примерах восходит к прудмуртскому *ɨ*, который в процессе утраты дал различные рефлексy по диалектам (Кельмаков 1975 : 97—99; 2004 : 33—39; 2006 : 68—69).

Менее интенсивно протекал процесс разогубления $u > \hat{a}$, ср. *сундөк* ~ *сөндөк* < рус. *сундук* (Макс. 2024 : 600); *Мөрсалим* — название д. Верх. Дасос, тат. *Мурсалим*; *Мөстай* — название д. Мустай (Макс. 2024 : 796), *Чөпчө* ~ *Сьөпсьө* — название р. Чепца, удм. *Чупчи* ~ *Чупчы* (Макс. 2024 : 801).

Вернемся к описанным выше четырем случаям бесермянско-удмуртской корреспонденции $u//j$, в которых огубленный гласный употребляется даже тогда, когда в удмуртских диалектах повсеместно выступает неогубленный. Сохранению гласной u ($\hat{u}$) в описанных выше примерах, на наш взгляд, способствовало взаимодействие бесермян с коми населением. В отношении формы *jur* 'голова', зафиксированной лишь в д. Ворца Ярского района УР, следует отметить, что данная форма могла возникнуть также в результате самостоятельного спорадического развития.

2.1.2. Корреспонденция гласных среднего подъема: бес. e (э) / нч. ϵ ~ e ($\ddot{o}$ ~ э) // удм., бес. o

2.1.2.1. Бес. *сетөнө*, нч., закам. *сетыны*, коми *сетны* // лит. *сётыны*, бес. *сётөнө*, *сётны* 'дать, давать; отдать, отдавать; позволить, позволять': *šot(-)* ~ *šotⁿnə* 'дать, давать' (Тепл. 1970 : 61, 68, 81, 88, 215, 251 и т. д.); Шам. *Kə'lem kokojez piñall'oslə šeččalo* 'Оставшиеся яйца раздают детям' (Тепл. 1970 : 279); Шам. *vall'ostə kal' al'anə evel šetono* 'лошадям сейчас не надо давать возбуждаться' — ПМТ (Макс. 2024 : 577); Шам. *сётөнө* 'давать, дать; отдавать отдать; дарить, подарить (и др.)' (СлБес. 2013 : 389); ср.: удм. лит. *сётыны*, закам. *šetini* 'дать, отдать, выдать', коми *сетны* (Кельмаков 1978 : 27, 38).

Финский исследователь Ю. Вихманн рассматриваемую лексему зафиксировал только с гласным o в первом слоге: глаз., бес., уф., ел. *šot-* 'дать, отдать, выдать' (Wichm. 237). Межпермские сопоставления выглядят следующим образом: коми *сетны* 'дать', комиЯ *šet-* | удм. *сётыны*, сл. *šet-* — общеп. **šet-* (Лыткин 1964 : 130—131; КЭСК 251).

2.1.2.2. Бес. *черөг*, нч. *черыг* ~ *чöрыг*, срв. *чöрыг*, коми *чери*, коми диал. *чериг* // лит. *чорыг*, бес. *чорөг*, *сөрөг* 'рыба': *čorөг* ~ *šorөг* 'тж.' (Тепл. 1970 : 113, 142, 162); Еж. *vesči čerөгze sólaltele no kwáštele* 'мелкую рыбу посолите и засушите' (Тепл. 1970 : 238); Шам. *tabagi (čerögen kokojeñ sukko, so šel'anka vөл'lem)* 'Табаги (смесь сбитых яиц с рыбой, вроде селянки)' (Тепл. 1970 : 279); Шам. *ondatra čerөгez šie, so vuөн ule* 'ондатра питается рыбой, она живет в воде' — ПМТ (Макс. 2024 : 704); Шам. *чорөг* ~ *чорог* 'рыба' (СлБес. 2013 : 485—486). Данные удмуртских диалектов: сев.: кос. *чэрыг* ~ *чöрыг*, сл. *чöрыг* 'рыба' (Карп. 2016 : 30—31); срв. *čęriк* 'тж.' (Бушм. 1971 : 70).

Исследуемое слово ученые сравнивают с соответствиями из коми языков, возводя к общепермскому источнику: коми кп. *чери*, лл. *чериг* 'рыба' | удм. *чорыг*, сл. *čerig*. — Общеп. **čerig* (Лыткин 1964 : 131; КЭСК 303); удм. лит. *чорыг* 'рыба', срв. *čęrig*, коми *чери*, диал. *чериг* (Кельмаков 1978 : 27, 38).

2.1.2.3. Бес. *паяс*, *паяска*, нч., сч., (? коми) ***пöяс* ~ ***пöяска* // лит., бес. *пояс* 'пояс (фабричного производства)': Еж. *kışnoos tamak kışko i trupkazes nullo pejaskajə-z? kuž tš?b?l?ken* 'женщины [калмыцкие] курят

табак и трубку с длинным чубуком носят на поясе' (WotjSpr. II 177); Горд. *pojás* 'пояс (купленный, а не домашнего производства)'; Б. Юн. *pejas luele val tugen.* 'пояс раньше делали с кистью' — ПМТ (Макс. 2024 : 513—514); ср.: нч. *põias* (Тепл. 1970а : 170); сч. *пойас* ~ *põias* 'ремень, поясок' (Карп. 2013 : 395); сч.: яр. *пöяска* 'пояс, поясок' (ПМА). Вполне возможно, что исследуемые лексемы с гласным э ~ ö первого слова восходят к коми словам *põяс* ~ *pöяска*, хотя в лексикографических работах подобные формы мы не обнаружили.

2.1.2.4. Бес. *ред*, нч., бес. *рөд*, коми *урөд* // лит. *урод*, бес. *род* ~ *өрод* 'плохой; плохо': *red* 'плохо; плохой' (Тепл. 1970 : 68, 85, 257, 263, 275); *rod* 'плохо, плохой, скверный' (Тепл. 1970 : 129); Еж. *lek өрод* 'очень плохой' (Тепл. 1970 : 179, 263); Б. Юн. Шам. *өрод* 'плохой; плохо'; Горд. *ред* 'плохой, негодный' — ПМТ (Макс. 2024 : 737—738); Шам. *өрод* 'плохой; плохо' (СлБес. 2013 : 33); ср.: нч. *рөд* 'плохой' (Тепл. 1970а : 170).

Удм. *урод* является общеудмуртским заимствованием из русского языка. К данному же источнику относится бес. *өрод* ~ *род*. Такие варианты слова, как бес. *ред* ~ *рөд*, нч. *рөд* ~ *рөд* фонетически сближаются с коми соответствием, ср. коми *урөд* 'неопрятный, нечистоплотный, неряшливый, грязный' (ССКЗД 400) < рус. *урод*.

2.1.2.5. Бес. *редня*, нч. *рөдня*, коми *рөдня* // лит., бес. *родня* 'родственник, родня': *rodña* 'тж.' (Тепл. 1970 : 129, 279); Б. Юн. *Wal'ana red'haosöz taten val no Gurjakareges kal' m'ne* 'Родственники (по прежней линии) ее здесь, но в последнее время чаще она отправляется в гости в Гордино (Тепл. 1970 : 261); Шам. *родня* 'родственник, свойственник; родня' (СлБес. 2013 : 376); ср.: нч. *рөдня* 'родственник, родня' (Тепл. 1970а : 170).

Заметим, что следующие примеры: бес. *редня* (< *рөдня*) и нч. *рөдня* — благодаря гласному первого слога проявляют близость к коми-зырянскому *рөдня* (ССКЗД 322), в отличие от варианта *родня*, практически идентичного с русским оригиналом.

Возникновение описываемой междиалектной и межъязыковой корреспонденции нельзя решить однозначно. В своих работах по исторической фонетике удмуртского языка В. К. Кельмаков констатирует, что гласный звук *o* в удмуртских диалектах в целом восходит к праудмуртскому **ę*, однако в отдельных случаях этот звук остался без изменения. В отношении слов с корневым гласным *ę/e* на месте общеудмуртского *o* в нижнечепецких говорах ученый отмечает, что замещение гласного мог произойти под влиянием коми языка (Кельмаков 1978 : 25—27, 38; 2004 : 81—82, 87, 103—104).

Нам представляется, что в описанных выше примерах не только корневое ö (*ę*) нижнечепецких говоров, но и корневое э (*e*) бесермянских говоров развилось под влиянием коми языка. Данное утверждение касается как исконных, так и заимствованных из русского языка слов.

2.1.3. Корреспонденция заднерядных гласных среднего и верхнего подъема: бес., удм. диал. *o* // удм., бес. *u* (*y*)

2.1.3.1. Бес., сч. *голё*, коми *голя* // удм. *гулё*, *гулён*, *гулым* 'горло; кадык': бес. Б. Юн. *gol'o* 'горло' — ПМТ (Макс. 2024 : 219); Шам. *gol'o* 'кадык, дыхательное горло, трахея; гортань' (СлБес. 2013 : 109); сев.: гл. *гол'о* ~ *гул'о* 'горло, глотка, кадык' (Карп. 2013 : 152). Соответствия в

удмуртских диалектах: ел. *gol'do* 'кадык, горло' (Wichm. : 59); малм., ел. *gul'im* 'гортань' (малм.), 'пищевод' (ел.) [коми *gola*, ср. удм. *gol'do*, *gol't ĵres*]; уф. *gul'on* 'гортань' (Wichm. 62); сар. *gul'on* (уф. **gul'o* Wied.) 'кадык, горло' (Munk. 255); удм. лит. *гульым* 'горло; глотка; гортань; кадык'.

Этимологи приводят следующие связи рассматриваемого слова: коми *голя* 'шея', *сера голя* 'трахея' | удм. *гульым* 'глотка', сев. *голѣ* 'горло, кадык'; *gul'o*. — Общеп. **gol's* 'горло, передняя часть шеи' (КЭСК 78).

Как видно из приведенных данных, исследуемое слово в разных пермских языках и диалектах получил разнонаправленное развитие не только первого, но и второго слога. Гласный *и* первого слога представляет собой закономерное сужение гласного *о* на общеудмуртской почве. Общепермская гласная *а* второго слога в удмуртском и бесермянском ожидаемо должна была перейти в *о*. В говорах южной диалектной зоны второй слог был осложнен суффиксальными элементами *-im* и *-on*. В некоторых формах гласный первого слова остался без изменения. Причиной «архаичности» южноудмуртского *гольдо* (*gol'do*) могла стать ассоциативная связь с такими словами, как *голькыт*, *гольт(ы)рес* 'приторный, приторно-сладкий' (возможное развитие: *голькыт гулѣ* 'сладкое горло, сладкоужка' > *гольдгулѣ* > *гольдо*). Гласная *о* первого слога варианта *голѣ* в бесермянском языке и некоторых северноудмуртских говорах, на наш взгляд, мог сохраниться/восстановиться под влиянием коми говоров.

2.1.3.2. Бес. *номѳр*, нч., сч., завят., коми *номыр* // лит. *нумыр*, диал. *нымыр*, бес. *нумѳр* 'червь, червяк; гусеница'; бес., урс. *пѳтѳр*, шошм. *пѳтѳр* 'червяк' (Лыткин 1964 : 90); бес. *пѳтѳр* 'червь, червяк; гусеница' (Тепл. 1970 : 124); Гул. *Kwakaos ul'čaen pŋtŋr nall'alo* 'Вороны на улице [на дороге] ищут червей' (Тепл. 1970 : 253); Шам. *номѳр* 'тж.' (СлБес. 2013 : 299); Врц. *пѳтѳр* 'червь' (Ворца. LingvoDoc); Шам. *номѳр* 'червяк, гусеница, личинка (в виде червяка)' (ТезБес. 2017 : 187); Горд. Шам. *пѳтѳр*, Гул. *пѳтѳр* 'червь'; Горд. *gono pŋtŋr* 'гусеница' — ПМТ (Макс. 2024 : 465).

Соответствия в удмуртских диалектах: глаз. *пѳтѳр*, м.-урж. *пѳтѳр*, малм. ел. *пѳтѳр*, уф. *пѳтѳр* 'червь' (Wichm. 172); сар. *пѳтѳр*, каз. *пѳтѳр* 'тж.' (Munk. 522); тыл. *нумыр* 'тж.' (Тепл. 1955 : 123); нч. *номыр* 'тж.' (Тепл. 1970а : 165); срв. *пѳтѳр* 'червь, червяк' (Бушм. 1971 : 129); круф. *нумыр* 'червяк; короед' (Насиб. 1978 : 129); грах. *нымыр* 'червь' (Атам. 1981 : 48); сч. *номѳр* ~ *номыр*, сч.: гл. (Люм) *нумыр* 'тж.' (Карп. 2013 : 341); закам. *нымыр* ~ *нѳмыр* (Макс. 2018 : 128).

Соответствия в коми языках: кз. *номыр* 'червь, червяк, червячок' (ССКЗД 244); кп. *нѳмыр* 'червь, червяк; черви (в разлагающихся организмах)' (КПРС 277). Исследуемые удмуртские и коми слова Е. С. Гуляев возводит к общеп. **пѳтѳр* 'червь, личинка насекомых' и приводит параллели из ненецкого языка (КЭСК 194). В «Уральском этимологическом словаре» связь пермских слов с ненецким не поддерживается (UEW 303).

Как видим, в удмуртских диалектах рассматриваемые лексемы в первом слоге имеют три разных гласных: *о*, *у*, *ы*. При этом в бесермянских говорах зафиксированы слова как с гласным *о*, так и с *у*. Форма с гласным *о* преимущественно распространена в северной диалектной зоне, образуя единый ареал с коми языками, в которых соответствующее слово также произносится со звуком *о*. Отдельную островную

зону образуют завятские говоры — кукморский и шошминский, где также употребительна форма *номыр* ~ *номър*. Ареал с гласным *о* можно было бы считать зоной консервации древней формы. Однако в бесермянском/удмуртском слове гласный *о*, скорее всего, возник вторично под влиянием коми диалектов.

Нам бы хотелось также обратить внимание на некоторые дополнительные моменты, не совсем вписывающиеся в общепринятую схему развития гласных первого слога. Исследователями достоверно установлено, что в истории развития удмуртского языка в определенный момент (в начале XV в. или в XV—XVI вв.) произошло сужение гласного *о* первого слога (**о* > *у*) (Кельмаков 1993 : 16—17). Названный процесс протекал весьма регулярно, охватив весь лексический фонд удмуртского языка, исключения наблюдаются лишь в единичных случаях (Кельмаков 1975 : 37—38; 2004 : 110—112).

Причина сохранения *о* в таких словах не установлена. В данном случае следует обратить внимание на бесермянские и красноуфимские формы. В настоящее время в бесермянских, как и в соседних севернудмуртских говорах, употребляется форма с гласным *о* в первом слоге. Однако Т. И. Тепляшиной ранее зафиксирован также вариант *питог* (см. выше). Севернудмуртская форма *нумър*, записанная в с. Люм Глазовского района, возможно, восходит к бесермянской речи, хотя она может быть отражением воздействия литературного языка. Если форма *номър* (*потог*) в языке бесермян могла возникнуть под влиянием севернудмуртских говоров, то гласный *у* варианта *нумър* указывает на его южнудмуртский источник. Поскольку бесермянское наречие формировалось на основе диалекта завятского типа, не исключено, что в завятских говорах некогда в названии червяка также употреблялся гласный *у*. Об этом говорят и данные красноуфимского говора (Свердловская обл.), в основе которого лежит диалект шошминского типа. В речи красноуфимцев зафиксирована форма *нумър*, следовательно, до их переселения на современную территорию проживания в говоре шошминцев название червяка употреблялось в облике *нумыр* (вместо современного *номыр*).

По нашему мнению, причиной сохранения/«реанимации» формы *номыр* ~ *номър* в завятских говорах послужила миграция определенных групп пермского населения (бесермян, северных удмуртов и коми) с территории нижней Чепцы на юг по р. Вятке, что могло иметь место, в частности, в XVII веке (о миграции коми на юг — в Вятскую и Казанскую губернию — см.: Жеребцов 1982 : 70, 99). В варианте *нымыр* ~ *нъмър*, бытующем в некоторых диалектах, гласный первого слога изменился контаминационно под влиянием *нымы* 'мошка', *нымы-кибы* 'мелкое насекомое, мошкара' (Кельмаков 1975 : 23; 2004: 71).

2.1.4. Корреспонденция анлаутных — среднеязычного и палатального латерального согласных: бес., коми *j*- (*й*-) // удм. лит., бес. *l'*- (*л'*-)

2.1.4.1. Бес., удм. диал. *юкмес*, коми *юкмӧс* // лит., бес. *люкмес* 'прурь': бес. *l'uktes*, Б. Юн. *juktes* 'тж.' — ПМТ (Макс. 2024 : 421, 753); Шам. *люкмес* 'тж.' (СлБес. 2013 : 266). Соответствия в удмуртских диа-

лектах: сар. каз. *l'uktäs* ~ *juktäs* 'прорубь' (Munk. 282, 756); глаз., сар., мал., ел., уф. *lukmes*, м.-урж. *ḑucmes* 'прорубь' [коми *jukmes*] (Wichm. 153). Этимологические данные: коми *юкмѳс* 'колодец, прорубь'; удм. *люкмес* 'прорубь, полынья' < общеп. **juk-mes* (КЭСК 334).

2.1.4.2. Бес. *юктанѳ*, удм. диал. *юктаны*, коми *юктавны* // лит. *люктаны*, бес. *люктанѳ* 'поить, напоить (скот)': бес. *l'uktanѳ* 'тж.' (Тепл. 1970 : 128, 208); Фил. *l'uktanѳ* ~ *juktanѳ* 'тж.'; *život l'uktanѳ* 'напоить скотину' — ПМТ (Макс. 2024 : 421); Шам. *люктанѳ* 'тж.' (СлБес. 2013 : 266). Соответствия в удмуртских диалектах: сар., каз. *l'uktal-* ~ *juktal-* 'поить, дать выпить' (Munk. 282, 756); глаз. уф. *l'uktànḑ*, сар., мал., ел., м.-урж. *l'uktànḑ* 'поить, напоить, дать выпить' (Wichm. 83). Этимологические данные: коми *юктавны* 'поить, напоить'; удм. *люктаны* 'тж.', *juk-t-a-* 'поить' < **juk-* (КЭСК 335).

2.1.4.3. Бес. *юкѳнѳ*, удм. диал. *юкыны*, коми *юкны* // лит. *люкыны*, бес. *люкѳнѳ* 'делить, разделить': бес. *lukḑnѳ*, *juknѳ* 'тж.'; *jukḑsaləz* 'он делил бы, разделил бы' (Тепл. 1970 : 216, 232, 239); Горд. *ḡəlos lukḑnѳ* 'разделить на четыре части'; *marzes soos kuspažə ez juke?* 'чего они не поделили между собой?' — ПМТ (Макс. 2024 : 421); Шам. *люкѳнѳ* 'делить, поделить, разделять, разделить, распределять, распределить (и т. д.)' (СлБес. 2013 : 265). Соответствия в удмуртских диалектах: сар., каз. *luk-* ~ *juk-* 'делить, разделить' (Munk. 755); глаз. *lukḑnḑ*, сар., ел., м.-урж. *lukḑnḑ*, малм. *jukni*, уф. *ḑukḑnḑ* 'делить; раздать; разлучить (друг от друга)'; глаз., сар., ел., м.-урж. *luket*, малм. *juket*, уф. *ḑuket* 'часть, доля' (Wichm. 152); сев.: нч. *юкет* 'часть, доля, пай' (Тепл. 1970а : 165). Этимологические данные: коми *юкны* 'делить' | удм. *люкыны* 'тж.' < общеп. **juk-* 'тж.' (КЭСК 334) < ур. **jaka-* 'делить, разделить, разлучать, разлучить, отделить' (UEW 87).

В удмуртском языкознании известна междиалектная корреспонденция согласных, противоположная приведенной выше: удм. лит. (и большинство диал.) *й-* // бес. (+ южн.) *л'-*. Палатальный *л'* вместо *й* в анлауте — результат фонетического процесса *йVк/з(-) > л'Vк/з(-)* (переход начального *й* в палатальный *л'*, если за последующим гласным звуком стоит смычной *к* или *з*). Данный процесс наиболее интенсивно протекал в бесермянском языке и южноудмуртском наречии, в северном наречии и срединных говорах в меньшей степени, ср.:

сев. сред. *йугыт* // южн. *л'угыт* ~ *л'угьт*, бес. *lugət* 'светлый; светло; свет';
сев. сред. *йаг* // отд. южн. бес. *л'аг* 'сосновый бор';
сев. сред. южн. *йэгитйос* // бес. *legitt'os* 'молодежь'
(Кельмаков 2006 : 94—95).

Об употреблении *л'* на месте *й* в бесермянском диалекте удмуртского языка отмечала еще Т. И. Тепляшина в монографии «Язык бесермян» (1970 : 145—146), откуда заимствованы бесермянские примеры у предыдущего автора. Описываемое явление автор настоящей работы наблюдал в бесермянских населенных пунктах в конце прошлого и начале текущего века. Примеры на корреспонденцию *л'//й* можно найти в недавно выпущенном «Словаре бесермянского диалекта удмуртского языка» (СлБес. 2013): *легить* 'молодой' (с. 253) вм. *егит*; *люгѳт* 'светлый' (с. 263) вм. *югыт*; *ляг гиби* 'волнушка' ('бор + гриб'. — С. М.) (с. 267) вм. *яг гиби*.

В языке бесермян звукопереход $\ddot{y} > l'$ произошел не только при указанном выше условии, но и в иных случаях — при наличии дис- тантно следующего смычного, спيرانта, иногда — какого-либо другого согласного:

бес. *любка* ~ *люфка* 'юбка' // лит. бес. *юбка*;
 бес. *людөнө* ~ *людьөнө* 'резать, нарезать, крошить' // лит. *юдыны*,
 бес. *юдөнө* (< удм.);
 бес. *ляльчик* 'вид мелкой белой рыбы' // удм. диал. *альчик* < рус.
ельчик < *елец*;
 бес. *лясьли* 'ясли (детские)' // лит. *ясли*, бес. *ясьли*
 (бесермянские примеры из: Макс. 2024 : 419—420, 423).

В двух последних примерах дополнительным, а может быть, ос- новным фактором послужила ассимиляция инлаутным l' . В глазовском говоре северного наречия в речи старшего поколения употребляются такие личные имена, как: *л'эвд'эн'* < рус. *Евгений*, *л'эвдок* < рус. *Евдокия*. Леканье подобного типа ($\ddot{y}-v > l'-v$) нехарактерно для удмуртских диалектов, тем более для северного наречия. Считаем, что указанные формы проникли из бесермянского, хотя они в последнем письменно не зафиксированы. Отметим, что в исторических документах записано следующее название населенного пункта: Люндинская д., Омутницкая волость, Глазовский уезд, Вятская губерния (1802 г.) (Пислегин, Чура- ков 2020 : 330). Это, безусловно, название современного бесермянского села Юнда Бalezинского района УР.

Как было показано выше, описанный звукопереход в удмуртских и бесермянских диалектах протекал с разной интенсивностью. Нали- чие анлаутного $\ddot{y}$ - в некоторых говорах южной диалектной зоны сле- дует отнести к архаизации прапермского согласного. Аналогичную причину сохранения $\ddot{y}$ можно предположить и в словах *юкмес* 'про- рубь', *юктанө* 'поить, напоить (СКОТ)', *юкөнө* 'делить, разделить', за- фиксированных в отдельных бесермянских говорах. Однако, учитывая интенсивность протекания процесса $\ddot{y}- > l'$ - в бесермянском языке, мы склонны считать звуковой облик приведенных слов результатом позд- него коми влияния.

Наличие других лексических единиц с начальным $\ddot{y}$ - в некоторых бесермянских говорах вместо более распространенных слов с соглас- ным l' -, таких как: *югөт* 'светлый; светло' вм. *люгөт*; *юганө*, *югданө* 'светать, рассветать, рассвести' вм. *люгдөнө*; *юдөнө* 'резать, нарезать (мелко), крошить, крошить (напр. картофель)' вм. *людөнө*; *юр-яр* 'шум-гам, крики, производимые обычно детьми' вм. *люр-ляр* (примеры из Тепл. 1970 : 67—68, 72, 145—146, 176, 245; СлБес. 2013 : 263—264; Макс. 2024 : 419—421) — это следствие взаимодействия с носителями среднечепецкого диалекта.

2.2. Изоглоссы лексико-фонетических и лексико-морфологических вариантов слов

2.2.1. Бес. *дасьтөнө*, нч., сч., коми *дасьтыны* // лит. *дасяны*, бес. *дасянө* 'готовить, приготовить': бес. *dašt'nө* 'тж.' (Тепл. 1970 : 113); Еж. *Koľa urokse žogges med daštoz tunne* 'Пусть Коля уроки быстрее приготовит

сегодня' (Тепл. 1970 : 238); бес. *urokjosse ta jenala ug no daša* 'Уроки он как следует и не готовит' — ПМТ (Макс. 2024 : 238—239); Шам. *дась-төнө* 'готовить, приготовить (еду); заготовить, заготавливать (заранее, про запас); подготавливать, подготовить', *дасянө* 'готовить, приготовить; подготовить, заготавливать, заготовить (заранее, про запас)' (СлБес. 2013 : 119) | нч. *дасьтыны* 'приготовить' (Тепл. 1970а : 166); сч. *дас'тънь* ~ *дас'тыны* 'готовить, приготовить' (Карп. 2013 : 166); сч. *дас'ань* ~ *дас'аны* 'тж.' (ПМА). Соответствия в коми языках: комиЗ *дасьтыны* 'готовить, приготовить, заготовить; припаси, запasti' (ССКЗД 98); комиЯ *дас'тинө* 'запасать, запasti; припасать, припаси; копить' (КЯД 110).

Рассматриваемые глаголы В. И. Лыткин возводит к общепермскому **daś* 'готовый' (КЭСК 87). Слово *дась* 'готов, готовый', как самостоятельная лексема, употребительна и в современных удмуртских и коми-зырянских диалектах. Изоглосса *дасьтөнө* ~ *дасьтыны* охватывает язык бесермян, а также говоры нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов северного наречия. От удмуртских диалектов она тянется к коми-зырянским; отдельным островком также встречается в коми-язвинском наречии. В большинстве коми-пермяцких диалектов вместо исследуемой лексемы функционирует русское заимствование *готóвитны* или исконное слово *лѡсьѡтны* (КПР-РКПС 166) (ср. коми *лѡсьѡдны*), а вместо общепермского слова *дась* в названных говорах бытует русизм *готóв* (КПРС 103).

В большей части удмуртских народных говоров вместо рассматриваемого глагола функционирует лексема *дасяны*, как и *дасьтыны*, являющаяся производным от основы *дась*. Данные «Обратного словаря удмуртского языка» (Насибуллин, Дудоров 1992) показывают, что в современном удмуртском языке глаголы, образованные от имен с помощью суффикса *-т-*, занимают весьма скромное место по сравнению с группой глаголов на *-а-*. Деривационная модель глаголов с помощью указанного суффикса отличается достаточно высокой продуктивностью.

Учитывая вышесказанное, глагол *дасьтыны* можно возвести к общепермскому времени. Следовательно, современный ареал данной лексемы является архаичным, а ареал *дасяны* — инновационным. Исследуемая лексема в северной диалектной зоне удмуртского языка, включая язык бесермян, сохранилась благодаря вторичным контактам пермских народов. Нельзя также исключать версию о позднем заимствовании из коми языка.

2.2.2. Бес. *лөддьөнө* /lɔd'dʲɔnɔ/, коми *лыдьдьыны* // лит. *лыдзыны* 'читать; считать': бес. *лөд'd'өнө* 'читать, считать' (Тепл. 1970 : 75). Соответствия в коми языках: комиЗ *лыдьдьыны* ~ *лыдьйыны* 'читать, прочесть, прочесть; считать, сосчитать' (ССКЗД 207); комиП *лыдьдьыны* 1. 'читать, прочесть; зачитать'; 2. 'считать, сосчитать; подсчитать, пересчитать' (КПРС 232); комиЯ *лөд'd'инө* 'считать', *лөд'd'ө-тнө* 'читать' (КЯД 141).

В большинстве удмуртских диалектов приведенным словам соответствует глагол *лыдзыны* 1. 'прочитать, читать'; 2. 'сосчитать, считать' (УРС 1983 : 264), который чаще употребляется в первом значении, а семема 'считать, подсчитать, подсчитывать' передается словом *лыдьяны* (диал. *лыд'd'аны*). В бесермянском языке аффриката *ʒ* (ʒ̥) обладает полноценным фонемным статусом, к тому же в большинстве его говоров

частотность этого звука даже увеличилась за счет звукоперехода $\text{ж} > \text{з}$ ($\text{ж} > \text{з}$). Хотя при определенных фонотаксических условиях бесермянское з может переходить в $\text{д}'$, в данном случае такие условия отсутствуют. Учитывая названные обстоятельства, мы приходим к выводу, что слово *лөддөнө* возникло под влиянием аналогичного глагола коми языков. В современном бесермянском в данном глаголе аффриката восстановилась под влиянием соседних удмуртских говоров или литературного языка, ср. бес. (Шам.) *лөзөнө* 'читать, прочитан' (СлБес. 2013 : 251). Отметим, что у слободских удмуртов нами зафиксирован глагол *лыд'даны* 1. 'читать' 2. 'считать', первое значение которого, вероятно, также развилось под влиянием коми языков. Нет основания считать данную форму архаизмом прапермского времени, поскольку в завятских говорах, в основе которых лежит современный бесермянский язык, аналог исследуемой лексемы употребляется в вариантах *лыдзыны* ~ *лы'зыны*, *лөдзынь* ~ *лө'зынь* (< *лыззыны*).

2.3. Лексические изоглоссы

2.3.1. Бес. *талян*: (*пөд*) *талян*, коми *талян*, *тальян*, *кок* (*пөд*) *талян* // лит. *пыд* (*пыдул*) *лөган*, *пыдул* *лөгет* 'педаль (напр. ткацкого станка)': Шам. *bešerman stanlen ŋuul' lue pөd tal'lanez* 'у ткацкого стана бесермян бывают четыре подножки (служащие для опускания и поднимания ниченок)' (Тепл. 1970 : 208); Шам. *пөд тальян* 'педаль', *машиналэн пөд тальянэз* 'педаль автомобиля' (ТезБес. 2013 : 74); Б. Юн. *пөдталян* ~ *талян* 'подножка, педаль ткацкого станка' — ПМТ (Макс. 2024 : 549).

Соответствия в коми языках: комиЗ *талян*, *тальян*, *кок тальян*, *потталян* 'подножка (в ткацком стане)'; *талявны*, *талялны* 'топтать, растоптать, утоптать' (ССКЗД 364); комиП *тáльны* 'топтать, истоптать' (КПРС 469). Коми-зырянская лексема *талян* ~ *тальян* является производным глагола *таляны* ~ *талялны*. Удмуртское название педали происходит от другой основы, ср.: удм. *лөган*: *пыд* (*пыдул*) *лөган*, *лөгет*: *пыдул* *лөгет* 'поднога, подножка, топтальца (педаль ткацкого стана, поднимающая и опускающая ниточки основы)' (УРС 1983 : 256, 370). Слова *лөган*, *лөгет* являются производными глаголов *лөганы* 'топтать, наступать' и *лөгыны* 'наступить', которые функционируют и в языке бесермян, при этом композита *päl'logon* в последнем означает 'стремя'.

Коми слово *талявны* Е. С. Гуляев сопоставляет с мокшанским *талямс* 'молотить, обмолотить' и с прибалтийско-финскими словами, в частности с финским *tallata* 'топтать, растаптывать, раздавливать, мять траву'; предполагает возможную связь основы коми слова с удмуртским *талык-талык* 'сырой, плотно слежавшийся' (КЭСК 278). Другие исследователи названное коми слово с прибалтийско-финскими словами сравнивают под двумя вопросами (UEW 791). Бесермянским словом *tall'an* в указанных выше словарях не оперируют, между тем связь его с коми лексемами *талян*, *талявны* является очевидной. С другой стороны, прибалтийско-финскому заднерядному *a* в коми и удмуртском обычно соответствуют другие гласные, поэтому в данном случае о глаголе *талявны* речь нужно вести как о заимствовании, производная которого из коми говоров проникла в язык бесермян как суперстратная лексическая единица.

2.3.2. Бес. *Пенул*, нч.: сл. *Понул* — д. Ниж. Мочагино (Слободской р-н, Кировской обл.): «В низовьях р. Чепцы в пределах Слободского р-на Кировской области бесермяне живут в деревнях: Нижнее Мочагино (*penul*), Омсино (*čabja*) и Шамардан» (Тепл. 1970 : 34). Вполне возможно, что данное название происходит от коми слова, ср. коми *понӧль*, лл. *поноль* ~ *пониль* 'еловая поросль; побеги, поросль (хвойных деревьев); вязка (еловые побеги, употребляемые для скрепления кольев в изгороди)' (ССКЗД 592). При его усвоении на бесермянско-удмуртской почве произошли определенные изменения. Второй слог испытал трансформацию под влиянием слова *ул(-)* '(место) под чем-либо'. Не совсем понятно появление гласного э (*e*) в первом слоге бесермянской формы. Не исключено, что гласный первого слога первоначально испытал регрессивную ассимиляцию: коми *понӧль* > бес. *понэл'* > *пэнэл'* > *пэнул* (*пенул*).

Вероятность коми источника описываемого топонима повышается фиксацией названия соседней удмуртской деревни Светозарево в форме *Гӧрдо* (Тепл. 1970а : 156), ср. коми *гӧрд* // удм. *горд* 'красный'. С исчезновением коми языка на нижней Чепце непривычное для удмуртского слуха название трансформировалось в *Гырдор* (ср. удм. *гыр* 'ступа', *гырк* 'дупло; лог; впадина, углубление' и *дор(-)* '(место) около чего-либо').

3. Заключение

В процессе исследования нами выявлено и описано 8 бесермянско-коми изоглосс, из которых: фонетических изоглосс — 4 (13 примеров), изоглосс фонетических и морфологических вариантов слов — 2, собственно лексических изоглосс — 2. В зависимости от широты территориального распространения языковых явлений, мы выделили три группы изоглосс (ареала), дистрибуция которых представлена ниже.

1. Бесермянско-коми изоглоссы + изоглоссы в отдаленных диалектах:

бес. *сетӧнӧ*, нч., закам. *сетыны*, коми *сетны* // лит. *сётыны*, бес. *сётӧнӧ* 'дать, давать; отдать' (2.1.2.1);

бес. *черӧг*, нч. *черыг* ~ *чӧрыг*, срв. *чӧрыг* // лит. *чорыг*, бес. *чорӧг* 'рыба' (2.1.2.2);

бес. *номӧр*, нч., сч., завят., коми *номыр* // лит. *нумыр*, диал. *нымыр*, бес. *нумӧр* 'червь, червяк' (2.1.3.2);

бес., удм. диал. *юкмес*, коми *юкмӧс* // лит. бес. *люкмес* 'прорубь' (2.1.4.1);

бес. *юктанӧ*, удм. диал. *юктаны*, коми *юктавын* // лит. *люктаны*, бес. *люктанӧ* 'поить (скот)' (2.1.4.2);

бес. *юкӧнӧ*, удм. диал. *юкыны*, коми *юкны* // лит. *люкыны*, бес. *люкӧнӧ* 'делить, разделить' (2.1.4.3).

2. Бесермянско-коми изоглоссы + изоглоссы в северо-западных диалектах:

бес. *ред*, нч. *рӧд*, коми *урӧд* // лит. *урод*, бес. *род*, *ӧрод* 'плохой; плохо' (2.1.2.4);

бес. *редня*, нч. *рӧдня*, коми *рӧдня* // лит. бес. *родня* 'родственник, родня' (2.1.2.5);

бес., сч. *голӧ*, коми *голя* // удм. *гулӧ*, *гулӧн*, *гулым* 'горло; кадык' (2.1.3.1);

бес. *дасьтөнө*, нч., сч., коми *дасьтыны* // лит. *дасяны*, бес. *дасянө* 'готовить, приготовить' (2.2.1);

бес. *Пенул*, ? коми *понёль* 'еловая поросль' // удм.: сл. *Понул* — д. Ниж. Мочагино (Слободской р-н, Кировской обл.) (2.3.2);

3. Сепаратные (собственно) бесермянско-коми изоглоссы:

бес. коми *куед* // лит. *кыед*, бес. *көөд*, *киед* 'навоз' (2.1.1.1);

бес. *кузь*, коми *кудз* // лит. *кызь* 'моча' (2.1.1.2);

бес. коми *уль* // лит. *ыль* 'сырой; недоваренный, недопеченный' (2.1.1.3);

бес. коми *юр* // лит. *йыр*, бес. *йөр* 'голова' (2.1.1.4);

бес. *лөддьөнө* /lɔd'dʲɔnə/, коми *лыдьдыны* // лит. *лыдзыны* 'читать; считать' (2.2.2);

бес. *таллян*: (*пөд*) *таллян*, коми *талян*, *тальян*, *кок* (*под*) *талян* // лит. *пыд* (*пыдул*) *лёган*, *пыдул* *лётет* 'педаль (напр. ткацкого станка)' (2.3.1).

Указанные ареалы формировались после завершения основных общеудмуртских фонетических процессов в XV—XVII вв. (см. Кельмаков 1993 : 16—17, 24—25). Описанные изоглоссы образовались в результате позднего вторичного взаимодействия бесермянских и удмуртских говоров с диалектами коми языков (прежде всего с диалектами коми-зырянского типа), а не в результате архаизации языковых единиц общепермского периода. Может показаться сомнительным, что в первый ареал включены удмуртские говоры, территориально весьма отдаленные от былой и современной территории проживания бесермян. Однако, с нашей точки зрения, реальная общность изоглосс могла возникнуть в результате миграционных процессов отдельных групп бесермянского и удмуртского населения. Так, при описании изоглоссы *номыр* 'червь' было отмечено, что по историческим документам известно о миграции из-за тяжелых экономических условий коми населения на юг в XVII веке в Вятскую и Казанскую губернии (Жеребцов 1982 : 70, 99) (см. п. 2.1.3.2). Мы полагаем, что такая миграция была направлена, во-первых, на территорию проживания нижнечепецких удмуртов и бесермян, во-вторых, на территорию проживания завятских удмуртов (совр. северный Татарстан). Кроме того, по данным исторической науки известно, что удмурты и бесермяне под давлением экспансии русского населения переселялись с нижней Чепцы на среднюю и верхнюю Чепцу, а также мигрировали в Закамье. Вполне возможно, что отдельные лексические единицы, такие как *юкмес* (лит. *юкмес*) 'прорубь', *юктаны* (лит. *люктаны*) 'поить (скот)', *юкыны* (лит. *люкыны*) и др. — в отдельных говорах южной диалектной зоны действительно могут представлять из себя архаизмы, чего нельзя постулировать для бесермянских форм с начальным *й* вместо *л'* в бесермянских говорах, поскольку леканье в бесермянском языке протекало интенсивнее, чем даже в южноудмуртском наречии.

Вторая группа изоглосс формировалась на нижней Чепце, преимущественно на территории современного Слободского района Кировской области. Языковые явления данной группы могли возникать как при непосредственным влиянием коми диалектов, так и в результате тесного взаимодействия удмуртского и бесермянского населения, при котором коми языковые черты передавались опосредованно.

Сепаратные бесермянско-коми изоглоссы (третья группа) являются свидетельством непосредственных контактов бесермян с коми населением. Мы полагаем, что такие контакты, как и у нижнечепецких удмуртов (Максимов 2018 : 275), могли происходить не только на уровне обычного социального и языкового взаимодействия, но и, возможно, осуществлялись благодаря межэтническим брачным связям, подтверждением чему может быть проникновение названия педали ткацкого станка *таллян*, изменение фонетического, в некоторых случаях — морфологического — облика практически двух десятков лексем.

В заключение еще раз подчеркнем мысль о том, что описанные языковые явления бесермянского языка, имеющие параллели в коми языках, являются не архаизмами, а возникли в результате поздних межэтнических контактов. Исследование изоглосс позволяет выдвинуть предположение, что в этногенезе бесермян принимал участие не только тюркский (в настоящее время общепризнанный), но, возможно, и коми компонент.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Sergey Maksimov
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS (Izhevsk)
E-mail: makser02@yahoo.com

Сокращения

Атам. 1981 — М. Г. Атаманов, Граховские говоры южноудмуртского наречия. — Материалы по удмуртской диалектологии, Ижевск 1981, 45—96; **Бушм. 1971** — С. К. Бушмакин, Приложения к диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка», Москва—Ижевск 1971; **Карп. 2013** — Л. Л. Карпова, Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект, Ижевск 2013; **Карп. 2016** — Л. Л. Карпова, Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка. — Ежегодник финно-угорских исследований 2016. Т. 10, вып. 2, 17—36; **КПР-РКПС** — Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь. Для общеобразовательных школ, Кудымкар 1993; **КПРС** — Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; **КЯД** — В. И. Лыткин, Коми-язвинский диалект, Москва 1961; **Макс. 2018** — С. А. Максимов, Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Монография, Ижевск 2018; **Макс. 2024** — С. А. Максимов, Лексика бесермян: наследие Т. И. Тепляшиной, Ижевск 2024; **Насиб. 1978** — Р. Ш. Насибуллин, Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. — О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Сборник статей и материалов, Ижевск 1978; **ПМА** — полевые материалы автора; **ПМТ** — полевые материалы Т. И. Тепляшиной; **СлБес. 2013** — Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка, Москва 2013; **ТезБес. 2017** — Тезаурус бесермянского наречия. Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан), Москва 2017; **УРС 1983** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **Тепл. 1955** — Т. И. Тепляшина, Приложение к диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: Тыловый диалект удмуртского языка, Москва 1955; **Тепл. 1970** — Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970; **Тепл. 1970a** — Т. И. Тепляшина, Нижне-

чепецкие говоры северно-удмуртского наречия. — ЗУдмНИИ. Вып. 21. Филология, Ижевск 1970, 156—196; **LingvoDoc** — https://lingvodoc.ispras.ru/dictionaries_all?language=6066%2C9; **Munk.** — B. M u n k á c s i, A votják nyelv szótára, Pécs 1990; **Wichm.** — Wotjakischer Wortschatz, Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki 1987 (LSFU XXI); **Wied.** — F. J. W i e d e m a n n, Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register, St.-Petersburg 1880; **WotjSpr. II** — Y. W i c h m a n n, Wotjakische Sprachproben II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. — JSFOu XIX:1.

бес. — бесермянский язык; **гл.** — глазовский говор (сев.: сч.); **глаз.** — глазовский диалект (сев.); **диал.** — диалектное; **ел.** — елабужский диалект (южн.); **закам.** — закамские говоры (пюж.); **каз.** — казанский диалект (пюж.); **комиЗ** — коми-зырянский язык; **кос.** — косинский говор (сев.: нч.); **комиП** — коми-пермятский язык; **крупф.** — красноуфимский говор (пюж.); **комиЯ** — коми-язьвинский язык/наречие; **лит.** — литературный язык; **лп.** — лузско-летский диалект (коми); **малм.** — малмыжский диалект (сред.); **м.-урж.** — малмыжско-уржумский диалект (пюж.); **нч.** — нижнечепецкий диалект (сев.); **общеп.** — общепермский праязык; **пюж.** — периферийно-южный диалект; **рус.** — русский язык; **сар.** — сарапульский диалект (сред.); **срв.** — средневосточные говоры (сред.); **сев.** — северное наречие; **сл.** — слободской говор (сев.: нч.); **сред.** — срединные говоры; **сч.** — среднечепецкий диалект (сев.); **тат.** — татарский язык; **татш.** — татышлинский говор (пюж.); **тыл.** — тыловый говор (сев.); **удм.** — удмуртский язык; **ур.** — уральский праязык; **урс.** — урсугуртский говор (пюж.); **уф.** — уфимский диалект (пюж.); **фин.** — финский язык; **шошм.** — шошминский говор (пюж.); **южн.** — южное наречие; **яр.** — ярский говор (сев.: сч.).

Б. Юн. — с. (Большая) Юнда (Балезинский р-н УР); **Врц.** — д. Ворца (Ярский р-н УР); **Горд.** — д. Гордино (Балезинский р-н УР); **Гул.** — д. Гулэкшур (Юкаменский р-н); **Еж.** — с. Ежево (Юкаменский р-н УР); **Итча** — д. Малые Итчи (Якшур-Бодынский р-н УР); **Турч.** — Турчино (Юкаменский р-н УР); **Тыл.** — д. Тылыс (Юкаменский р-н УР); **УР** — Удмуртская Республика; **Фил.** — д. Филимоново (Юкаменский р-н УР); **Шам.** — д. Шамардан (Юкаменский р-н УР).

ЛИТЕРАТУРА

- Б а т а л о в а Р. М. 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки), Москва.
- Б е л ы х С. [К]. 1995, Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках. — Финно-угроведение, № 2, 3—17.
- — 2009, Проблема распада прапермской этноязыковой общности, Ижевск.
- Ж е р е б ц о в Л. Н. 1982, Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами: X — начало XX в., Москва.
- Ж и л и н а Т. И. 1979, Марийские и удмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка. — Вопросы лексикологии коми языка, Сыктывкар, 30—33.
- К е л ь м а к о в В. К. 1975, Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах. — СФУ XI, 96—104.
- — 1978, К вопросу о «двух о» в праудмуртском языке. — СФУ XIV, 20—40.
- — 1993, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Препринт, Ижевск.
- — 2000, Некоторые общие особенности фонемной синтагматики согласных в удмуртских и коми-пермяцких диалектах. — Финно-угристика 4. Межвузовский сборник научных трудов, Саранск, 96—101.
- — 2001, Об ареальной тенденции в развитии вокализма непервого слога слова в пермских языках. — CIFU IX. Pars V, 67—74.
- — 2004, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2, Ижевск.
- — 2006, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск.

- Л ю к и н а Н. М. 2016, Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Монография, Ижевск.
- М а к с и м о в С. А. 1995а, Лексические параллели в сопредельной зоне коми-зырянского и удмуртского языков. — Вестник Удмуртского университета, № 5, 44—48.
- — 1995б, Общие лексические элементы в контактной зоне удмуртского и коми языков. — Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Йошкар-Ола, 356—358.
- — 2016, О коми заимствованиях в удмуртском языке. — LU LII, 111—121.
- — 2018, Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Монография, Ижевск.
- Н а с и б у л л и н Р. Ш., Д у д о р о в В. Ю. 1992, Обратный словарь удмуртского языка, Ижевск.
- П и с л е г и н Н. В., Ч у р а к о в В. С. 2020, Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII — середины XIX в., Ижевск.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1970, Язык бесермян, Москва.
- — 1970а, Нижнечепецкие говоры северно-удмуртского наречия. — ЗУдмНИИ. Вып. 21. Филология, 156—196.

SERGEI MAKSIMOV (Iževsk)

**KUNAGISI HILISEMAID SIDEMEID TÕENDAVAD
BESSERMANI-KOMI ISOGLOSSID**

Bessermani keeles on keelenähtusi, mida leidub ka komi keeles, aga mis puuduvad enamikust udmurdi murretest. Uurimuses on esitatud bessermani-komi foneetilised, morfoloogilised ja sõnavaralised isoglossid, mis on tekkinud XVII sajandil alanud kontaktide tagajärjel. Autor teeb järelduse, et bessermani rahva ja keele kujunemisel on peale turgi mõju olnud oluline osa ka komilastel ja komi keelel.